Вторая тема «Сиерры-Морены» автобиографична и во многом связана с окружающей Карамзина действительностью. Карамзин писал в повести от лица рассказчика г-на N: «Я возвратился в Европу и был некоторое время игралищем злобы людей, некогда мною любимых». В этих словах слышится намек на реальные события в жизни писателя. По возвращении на родину (15 июня 1790 г.) он был встречен недружелюбно в масонском кругу. Особенно усилилось это недружелюбие после опубликования Карамзиным программы «Московского журнала».

«Сейчас получил я письмо от Плещеева с приложением „объявления" Карамзина, из которого усматриваю, что он не в той уже с нами связи, в которой был прежде. Скажи, что сие значит и что тому причиною?» — писал А. М. Кутузов П. В. Лопухину 3/14 декабря 1790 г.[10] В последующем же письме к Н. Н. Трубецкому от 31 декабря 1790 г./11 января 1791 г. А. М. Кутузов высмеивает желание Карамзина стать писателем и, пародируя стиль Карамзина, издевательски подписывается: «Попугай Обезьянин».[11] В письмах к друзьям А. М. Кутузов высказывает предположение, будто и «в нем (Карамзине, — *Л. К.*) произошла французская революция» (письмо от 4/15 марта 1791 г к А. И. Плещеевой).[12]

А. И. Плещеева, некогда близкая Карамзину, переживает в нем разочарование и, подобно А. М. Кутузову, боится, не оказали ли воздействие на Карамзина революционные события, в частности ее пугает сомнение Карамзина в бессмертии души. На эти мысли ее наводит фраза в письме Карамзина: «Я вас вечно буду любить, ежели душа моя бессмертна». — «Вообразите ж, каково, ежели он в том сомневается!» — с негодованием пишет А. И. Плещеева А. М. Кутузову 7/18 июля 1790 г.[13] Остальные письма А. И. Плещеевой к А. М. Кутузову наполнены жалобами на изменение в характере Карамзина: «Вижу не того, который поехал от меня ... теперь он совсем не тот ... он совсем другой ... Всякой день мы с ним в ссоре, и он столько всегда мне грубости наговорит, что снести невозможно» (10/21 ноября 1790).[14] В письме к А. М. Кутузову от 10/21 апреля 1791 г. А. И. Плещеева тревожится о болезни Карамзина и намекает: «Эти люди его ненавидят, о которых вы знаете ... Они многие изверги, трусы, подлецы и малодушные как малые ребята».[15]

Приведенные материалы не оставляют сомнений, что фраза, включенная в повесть «Сиерра-Морена» — «...был некоторое

---

[10] Я. Л. Барсков. Переписка московских масонов XVIII века. Пгр., 1915, стр. 49.
[11] Там же, стр. 73.
[12] Там же, стр. 99.
[13] Там же, стр. 1.
[14] Там же, стр. 29.
[15] Там же, стр. 109.